

А. Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0165-8109
E-mail: agkozintsev@gmail.com

Об индонезийском компоненте в антропологическом составе населения Японии

АННОТАЦИЯ. В статье на основании данных физической антропологии и генетики рассматривается вопрос об индонезийском (и шире — австронезийском) компоненте в составе современного и древнего населения Японии. Основным материалом служат краниоскопические данные о десяти сериях с территории Японии, относящихся к эпохам от неолита до современности. Сильная межгрупповая корреляция между тремя признаками, обладающими наивысшей диагностической ценностью и независимыми на внутригрупповом уровне, свидетельствует о том, что главным фактором популяционной истории Японии было смешение двух компонентов — аборигенного, связанного с культурой дзёмон, и пришедшего монголоидного. Происхождение последнего изучалось с помощью десяти моделей, в которых роль искомого монголоидного компонента поочередно играли монголоидные серии с иных территорий, также изученные автором. Наилучшее соответствие наблюдаемым фактам возникает при использовании китайской серии, тогда как индонезийская модель оказалась одной из наименее пригодных. Возможно, это объясняется отсутствием черепов с о-ва Сикоку, где, по антропометрическим данным М. Г. Левина, концентрируются индонезийские черты. Серия, относящаяся к культуре яёй, таких черт не обнаруживает. Полученные результаты опровергают дилетантское предположение Энн Кумар, будто носители культуры яёй приплыли с Явы, и согласуются с идеей Мартине Роббеетс, согласно которой австронезийские черты японского языка и японской культуры были принесены в Японию из южной Маньчжурии через Корею.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Япония, Индонезия, Корея, австронезийские языки, краниология, антропометрия, популяционная генетика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Козинцев А. Г. Об индонезийском компоненте в антропологическом составе населения Японии. *Этнография*. 2021. 4 (14): 24–36. doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-24-36

A. Kozintsev

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian
Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0165-8109

E-mail: agkozintsev@gmail.com

On the Indonesian Component in the Population History of Japan

ABSTRACT. The article uses the evidence of physical anthropology and genetics to address the issue of Indonesian (and, more generally, Austronesian) component in the modern and ancient populations of Japan. The principal database includes frequencies of nonmetric traits in ten cranial samples from Japan dating to between the Neolithic and recent centuries. A strong intergroup correlation between three independent highly diagnostic traits suggests that the key factor in the population history of Japan was admixture between two components, i. e., the aboriginal one, associated with the Jomon culture, and the immigrant Mongoloid component. The origin of the latter has been examined using ten models, in each of which the role of the hypothetical Mongoloid component was successively played by Mongoloid samples from other regions, also studied by the author. The best agreement with the observed data has been demonstrated by the Chinese model, whereas the Indonesian model has proved one of the worst ones. This may be due to the absence of crania from Shikoku, where M. G. Levin's anthropometric survey has revealed a concentration of Indonesian features. The examined Yayoi cranial sample presents no such features. These findings disprove Ann Kumar's amateurish suggestion that Yayoi people arrived from Java. Instead, they support Martine Robbeets's idea that Austronesian elements in Japanese language and culture were introduced from southern Manchuria via Korea.

KEY WORDS: Japan, Indonesia, Korea, Austronesian languages, craniology, anthropometry, population genetics

FOR CITATION: Kozintsev A. On the Indonesian Component in the Population History of Japan. *Etnografika*. 2021. 4 (14): 24–36. doi 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-24-36 (In Russ.).

Согласно Ю. Е. Берёзкину (2020), «содержащийся в ранних японских письменных памятниках (VIII в. н. э. — *А. К.*) набор мифологических мотивов связан с культурами южной части индо-тихоокеанской окраины Азии, а не с традициями континентальных народов алтайской семьи и еще менее — с айнским фольклором. Это само по себе не означает, что языковые предки японцев должны были, вопреки устоявшимся представлениям, приплыть в Японию не из Кореи, а с юга Китая или с Тайваня. Однако элитарная традиция, которая только и может быть отражена в ранних памятниках японской литературы, несомненно, связана с традициями Юго-Восточной Азии и даже Океании. Насколько народная мифология середины I тыс. н. э. следовала тем же образцам, мы не знаем» (Берёзкин 2020). Что говорят об этом данные физической антропологии?

Наиболее совершенное в методическом плане антропометрическое обследование огромной группы (более 10 тыс.) японских военнопленных из всех районов страны действительно выявило индонезийский компонент у жителей о-ва Сикоку, особенно северной его части — префектуры Кагава, а также у жителей префектур Симанэ и Тоттори на юго-западе Хонсю (Левин 1971: 166, 175, 199, 202–203). По мнению М. Г. Левина, японцы этих областей унаследовали данные особенности от предположительно австронезийских народов кумасо и хаято, обитавших на юге о-ва Кюсю. Эти группы были в дальнейшем покорены и ассимилированы основными предками японцев — носителями культуры яёй, проникшими туда из Кореи в I тыс. до н. э. Отсутствие выраженных индонезийских черт у современных островитян Кюсю М. Г. Левин объясняет тем, что австронезийцы обитали и на соседних островах, но на Кюсю ассимиляция протекала интенсивнее. Время и пути проникновения австронезийских групп в Японию установить не удастся, но ясно, что до них там уже обитали предки айнов (и, по-видимому, в какой-то мере также японцев архипелага Рюкю) — носители культуры дзёмон.

Весной 1989 г. по разработанной мною краниоскопической программе я изучил десять древних и близких к современности серий черепов с территории Японии (Kozintsev 1990, 1992a, 1992b)¹. Группы эти таковы:

1. Представители культур дзёмон и эпи-дзёмон (в основном поздний неолит — III–I тыс. до н. э.). Выделены две географические подгруппы: а) дзёмон и эпи-дзёмон Восточной Японии и б) дзёмон Западной Японии.
2. Представители культуры яёй Западной Японии.

¹ Недавно появившееся на русском языке изложение тех же результатов с использованием иных методов практически загублено безобразной, происходившей без моего участия и ведома, редактурой сборника (Козинцев 2017а, 2017б). Об этой задержавшейся на несколько десятилетий книге, в которой перепутаны материалы двух моих статей, я узнал уже после ее выхода (более адекватное, но краткое изложение см.: Козинцев 2007).

3. Представители культуры кофун Западной Японии.
4. Японцы: а) Токио, б) Токио эпохи Эдо, в) Западной Японии и г) островов Рюкю (последняя группа рассматривается отдельно).
5. Айны: а) Хоккайдо, б) Сахалина.

Анализ показал, что три наиболее информативных признака — заднескуловой шов (ЗСШ), подглазничный узор типа II (ПГУ II) и надглазничные отверстия (НО) — связаны на территории Японии чрезвычайно сильной межгрупповой корреляцией — около 0,9 по абсолютной величине. Поскольку на внутригрупповом уровне они независимы, такая ситуация может объясняться лишь смешением двух компонентов. Один из них, легко определяемый как дзёмонский, характеризуется крайне необычным сочетанием — самой высокой в мире встречаемостью ЗСШ и весьма низкими частотами ПГУ II и НО.

Происхождение другого компонента — монголоидного — было изучено с помощью десяти моделей. В каждой из них роль одного из гипотетических родительских компонентов играла западнодзёмонская группа, где соответствующая комбинация признаков выражена особенно сильно. Роль другого родительского компонента поочередно играла каждая из десяти изученных мною монголоидных групп с иных территорий. Величина каждого из трех признаков в такой группе была принята за 100%, величина признака в западнодзёмонской группе — за ноль, и на этой шкале определялось положение каждой группы с территории Японии. Оценку, усредненную по трем признакам, можно при известных допущениях считать приблизительной мерой монголоидности и, соответственно, доли пришлого населения по отношению к местному. Я назвал эту оценку «монголоидно-дзёмонским индексом» (МДИ).

Однако подобные индексы имеют смысл лишь при условии, что доли предполагаемых родительских компонентов по разным признакам близки. Соответственно для каждой группы с территории Японии мерилем пригодности той или иной модели служило колебание оценок монголоидности по трем признакам, а именно стандартное отклонение МДИ: чем оно больше, тем модель менее пригодна. Для всей модели в целом таким показателем было стандартное отклонение (S), усредненное по 9 группам, расположенным между двумя полюсами шкалы. Иными словами, критерием пригодности двухкомпонентной модели является степень сохранения межгрупповой корреляции признаков при введении «внешней» группы в качестве гипотетического монголоидного компонента.

Последовательность величин МДИ почти одинакова во всех моделях: дзёмон Западной Японии — дзёмон Восточной Японии — айны Хоккайдо — айны Сахалина — рюкюсцы — яёйцы — кофунцы — японцы Западной Японии — японцы эпохи Эдо — японцы Токио (лишь в одной модели наблюдаются две незначительные перестановки). Эта

последовательность, фиксируемая в общих чертах и по другим системам признаков, видимо, и является реальным градиентом возрастания монголоидности на территории Японии. Полученные результаты подтверждают вывод об убывании сходства японцев с дзёмонцами от эпохи яёй до современности.

Однако с точки зрения соответствия наблюдаемым данным модели оказались весьма несходны — величины S сильно колеблются. Искомый монголоидный компонент в большинстве случаев явно не совпадал с тем, который представлен у близких к современности эвенков, тунгусо-маньчжурских народов Амура (ульчей, орочей, нанайцев, негидальцев), бурят или монголов (S варьирует от 18 до 52 %). В некоторых моделях не только максимальные, но даже средние величины МДИ превышают 100 %. Лишь для немногих групп эмпирические данные согласуются с этими моделями. Так, сахалинские айны теоретически вполне могли бы быть смесью потомков дзёмонцев с ульчами или орочами (данные об ороках отсутствуют).

Неудовлетворительной оказывается и индонезийская модель ($S=32,5\%$). Это видно уже по форме графика (рис. 1): во всех группах из Японии, кроме дзёмонцев и айнов, верхний предел МДИ заметно превышает 100 %, т. к. по двум признакам из трех (ПГУ II и НО) эти группы характеризуются большей монголоидностью, чем индонезийцы. В трех случаях не только максимальная, но и средняя величина МДИ выше 100 %.

Рис. 1. Монголоидно-дзёмонский индекс (МДИ), основанный на частотах заднескулового шва, подглазничного узора типа II и надглазничных отверстий, в группах с территории Японии: индонезийская модель. Для каждой группы показаны минимальная, средняя и максимальная величины индекса

Fig. 1. Mongoloid-Jomon Index (MDI), based on frequencies of transverse zygomatic suture posterior trace, infraorbital pattern type II, and supraorbital foramina, in groups from Japan: the Indonesian model. For each group, minimal, average, and maximal estimates are shown

Приписать это выборочной погрешности невозможно — в индонезийской серии более 40 черепов с разных островов Зондского архипелага. Не годится индонезийская модель ни по отношению к японцам Западной Японии, ни даже по отношению к рюкюсцам, хотя географическое положение последних, как и данные археологии, казалось бы, указывает на возможность связей с южными монголоидами (Hudson 2012). Отдельной серии с Сикоку в моем распоряжении не было, хотя черепа оттуда могли попасть в группу западных японцев.

Качество модели повышается при использовании частот признаков в серии неолита и раннебронзового века Прибайкалья. Значение S опускается здесь до 11,5% (рис. 2). К сожалению, данная серия не особенно информативна из-за хронологической и культурной гетерогенности: краиноскопический материал пока недостаточен для разбивки ее на подгруппы, а, кроме того, там может присутствовать европеоидный компонент. Наиболее отчетливая же картина получается, если моделировать искомым монголоидный компонент по данным о китайской серии (рис. 3).

Значение S в китайской модели минимально — всего лишь 8,6%. Данная модель — единственная, где не только средняя, но и максимальная величина МДИ ниже 100% для всех групп с территории Японии. При использовании китайской серии межгрупповая корреляция между тремя признаками не ослабевает по сравнению с внутриапонской величиной, а остается на том же весьма высоком уровне. К сожалению,

Рис. 2. Монголоидно-дзёмонский индекс (МДИ) в группах с территории Японии: прибайкальская модель. См. пояснения к рис. 1

Fig. 2. Mongoloid-Jomon Index (MDI) in groups from Japan: the Baikal model. See Fig. 1 for explanations

Рис. 3. Монголоидно-дзёмонский индекс (МДИ) в группах с территории Японии: китайская модель. См. пояснения к рис. 1

Fig. 3. Mongoloid-Jomon Index (MDI) in groups from Japan: the Chinese model. See Fig. 1 for explanations

точные данные о происхождении большинства китайских черепов отсутствовали. Но так как эффективность китайской серии в качестве модели оказалась весьма высока, можно предположить, что представляет она в основном северных китайцев, а не южных, антропологически сходных с индонезийцами.

Данных о корейцах, которые генетически максимально близки к японцам, у меня нет, но сочетание признаков в японских группах именно таково, как если бы они отражали разные стадии метисации между дзёмонцами и мигрантами из Кореи. Согласно китайской модели, доля восточномонголоидного (вероятнее всего, северокитайского или корейского) компонента у носителей культуры яёй составляет $58,7 \pm 3,7\%$, остальное приходится на дзёмонский компонент.

Так как прародина алтайской семьи, к которой сейчас относят японский и корейский языки (Старостин 1991; Robbeets, Bouckaert 2018), располагалась где-то между Монголией и Кореей, возможно в Маньчжурии (Janhunen 2003; Dybo 2007; Robbeets 2017), результат мог бы быть еще лучше, если бы у нас была китайская серия из данного региона, а также корейская. Впрочем, краниоскопические данные о большинстве тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов (см. выше) не выявляют их родства с японцами².

Следовательно, полученные данные согласуются с гипотезой, что главной причиной антропологических различий между большинством изученных групп с территории Японии является неодинаковое соотношение аборигенного дзёмонского и пришлого монголоидного компонентов, причем последний ближе всего к тому, который присутствует у современных восточных монголоидов — китайцев.

Исламовед и индонезист Энн Кумар попыталась доказать, что носители культуры яёй приплыли в Японию с Явы (Kumar 2009: 163–165). Для обоснования этой странной идеи она привлекает (как правило, дилетантски) данные разных наук, в том числе и краниоскопические. Не разобравшись в сути дела, Кумар утверждает, будто результаты моей работы свидетельствуют о близости людей культуры яёй к индонезийцам (Kumar 2009: 80–81). Действительно, на перепечатанном ею графике (Kozintsev 1990: 255) эти группы расположены рядом. Кумар отвергает применяемый мною принцип отбора наиболее информативных показателей. Она не учитывает, что один из использованных в этом графике (вслед за японскими краниологами) признаков — разделение подъязычного канала — был забракован мною не ради «подгонки результатов к общепринятым теориям», а по причине его сильной эпохальной изменчивости. В частности,

² Хотя хакасы на графике (рис. 4) оказываются на линии межгрупповой регрессии, рядом с японцами, географические и исторические факты препятствуют их сближению с последними. Вблизи этой линии расположены и негидальцы, но привлечение третьего признака (НО) ухудшает модель (см. ниже).

вопреки всем имеющимся данным, он противопоставляет айнов их непосредственным предкам — дзёмонцам. При использовании стабильных признаков — ЗСШ и ПГУ II — получается картина, обнаруживающая удивительно много соответствий с лингвистической классификацией (Kozintsev 1990: 254)³.

Рис. 4. Взаимоположение групп по встречаемости заднескулового шва (ось абсцисс) и подглазничного узора типа II (ось ординат): 1 — индейцы Южной Америки, 2 — индейцы Северной Америки, 3 — эскимосы, 4 — алеуты, 5 — чукчи, 6 — древние эскимосы (Уэлен), 7 — древние эскимосы (Эквен), 8 — негидальцы, 9 — орочи, 10 — ульчи, 11 — нанайцы, 12 — эвенки, 13 — тувинцы, 14 — калмыки, 15 — монголы, 16 — теленгиты, 17 — буряты Прибайкалья, 18 — буряты Забайкалья, 19 — якуты, 20 — шорцы, 21 — хакасы, 22 — ханты, 23 — манси, 24 — ненцы. Пунктирной стрелкой показан вектор усиления монголоидности населения Японии

Fig. 4. Arrangement of groups according to frequencies of transverse zygomatic suture posterior trace (X-axis) and infraorbital pattern type II (Y-axis). 1 — South American Indians, 2 — North American Indians, 3 — Eskimo, 4 — Aleut, 5 — Chukchi, 6 — ancient Eskimo (Welen), 7 — ancient Eskimo (Ekven), 8 — Negidals, 9 — Orochi, 10 — Ulchi, 11 — Nanais, 12 — Evenks, 13 — Tuvans, 14 — Kalmyks, 15 — Mongols, 16 — Telengits, 17 — Buryats, Cis-Baikal, 18 — Buryats, Trans-Baikal, 19 — Yakuts, 20 — Shors, 21 — Khakas, 22 — Khanty, 23 — Mansi, 24 — Nenets. The dotted arrow shows the Mongoloid gradient in populations of Japan

³ Преимущества тщательно разработанной программы хорошо видны на примере антропометрических исследований японцев. Когда признаки привлекаются наобум, классификация групп получается хаотичной и извлечь из нее какую-либо этногенетическую информацию трудно (Kouchi 1983). Когда же используются признаки с высокой диагностической ценностью, возникает картина, обнаруживающая множество соответствий с этнической историей (Левин, 1971).

На графике (рис. 4) видно, что ЗСШ, будучи на территории Восточной Азии одним из самых эффективных показателей, отчетливо противопоставляет носителей культуры яёй (32%) индонезийцам (9%). Первые, в отличие от вторых, находятся на линии регрессии, показывающей практически линейное нарастание уровня восточноазиатской, то есть условно «китайской» (а не южноазиатской, то есть «индонезийской»!), монголоидности в Японии по направлению от дзёмонцев к жителям Токио.

Теперь прибавим третий ключевой признак — встречаемость надглазничных отверстий — и обработаем данные с помощью метода главных компонент (рис. 5). И снова мы видим то же самое: вектор монголоидности на территории Японии отчетливо направлен от дзёмонцев в сторону восточных монголоидов — китайцев. Северные монголоиды уклоняются от этого вектора в одном направлении, южные (индонезийцы) — в другом. Тому, что на линии регрессии находится и древняя группа из Прибайкалья, едва ли следует придавать большое значение (см. выше). Индонезийцы же снова весьма удалены от линии регрессии и, как было сказано, никоим образом не могут считаться источником

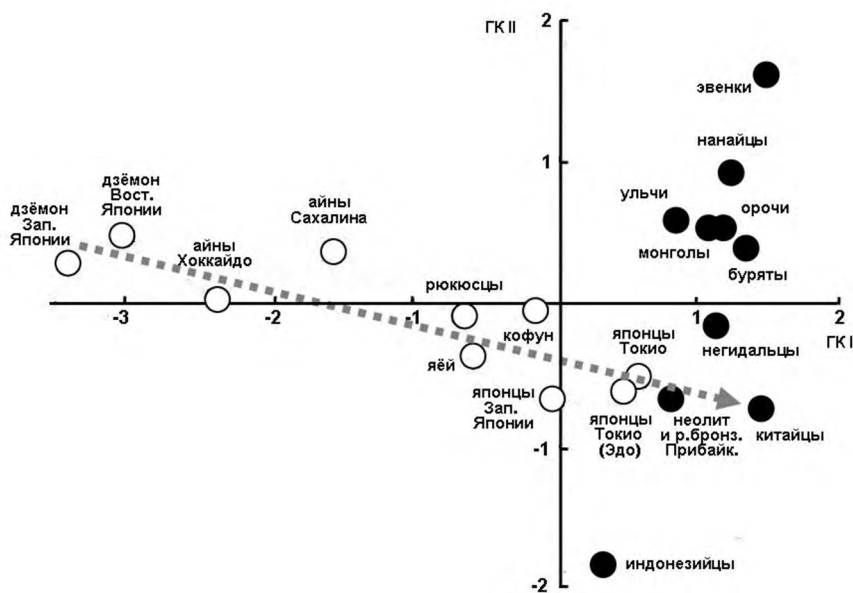

Рис. 5. Взаимоположение групп в пространстве двух главных компонент (ГК I, ГК II), подсчитанных по преобразованным частотам трех признаков: заднескулового шва, подглазничного узора типа II и надглазничных отверстий. Пунктирной стрелкой показан вектор усиления монголоидности населения Японии

Fig. 5. Arrangement of groups according to the first two principal components, PC I and PC II, calculated from the transformed frequencies of three traits — transverse zygomatic suture posterior trace, infraorbital pattern type II, and supraorbital foramina. The dotted arrow shows the Mongoloid gradient in populations of Japan

монголоидного компонента у японцев. Спроецировав расположение групп на данную линию, мы получим для яёйской группы такую же оценку уровня восточноазиатской монголоидности, что и при непосредственном подсчете, 58,8%.

Итак, никаких подтверждений «индонезийской теории» мои результаты не дают. Ни генетика, ни археология ее тоже не подтверждают. По результатам широкогеномных исследований древних образцов, носители культуры яёй представляли собой результат смешения дзёмонцев с людьми, близкими к неолитическим обитателям Прибайкалья и к тем, что жили в бассейне р. Ляохэ (южная Маньчжурия) в неолите и бронзовом веке. При использовании этих групп доля монголоидного компонента у людей культуры яёй оценивается в 40–50 % (Cooke et al. 2021), что несколько ниже оценки, полученной мною по краниоскопическим признакам в рамках «китайской» модели (см. выше). Согласно данным о современных народах, японцы генетически очень близки к северным китайцам и особенно корейцам, но далеки от индонезийцев (HUGO 2009; Wang et al. 2018). О том же свидетельствуют высокоинформативные генетические маркеры, в частности, относящиеся к системе иммуноглобулинов (Matsumoto 2009). Судя по их распределению, Япония, включая о-ва Рюкю, отделена от Тайваня и Филиппин четкой границей, хотя на территории континентального Китая переход от восточномонголоидного ареала к южномонголоидному постепенен, а южномонголоидная примесь у японцев оценивается в 7–8% (Matsumoto 2009). По археологическим данным, граница между Японией и южным островным миром в дзёмонскую эпоху пролегла между центральной и южной частями архипелага Рюкю. К северу от нее австронезийцы проникали лишь в небольшом числе (Hudson 2012).

По мнению Мартине Роббеетс, источником австронезийских культурных и языковых элементов в Японии была не южная Пацифика, а Корея и южная Маньчжурия, куда они, по ее предположению, проникли в глубокую древности. Культуру яёй она считает смесью китайских, корейских, собственно японских и австронезийских черт (Robbeets 2017).

Японские генетики полагают, что основной монголоидный компонент был принесен в Японию именно носителями культуры яёй (Watanabe et al. 2019). По моим же данным, современные японцы отличаются большей монголоидностью, по сравнению с яёйцами. Видимо, имевшаяся в моем распоряжении серия из погребений этой культуры представляла группу, уже сильно смешавшуюся с аборигенным дзёмонским населением (об этом же говорят и краниометрические данные, см.: Kanaseki 1966)⁴, а «чистый», но неизвестный нам монголоидный компонент был очень близок к корейско-северокитайскому, что подтверждается данными целого ряда наук.

⁴ Серия культуры яёй наполовину происходит из могильника Дойгахана на юго-западе о-ва Хонсю. По данным о митохондриальной ДНК, эти люди были менее родственны современным японцам, чем носители той же культуры, заселившие о-в Кюсю (Igawa et al. 2009).

Увеличение доли этого компонента на протяжении веков было вызвано либо дальнейшей иммиграцией монголоидов с материка, либо демографическими процессами (подробнее см.: Kozintsev 1990; Козинцев 2007).

Итак, хотя присутствие австронезийцев в древней Японии засвидетельствовано и мифологическими, и антропометрическими, и лингвистическими данными (Robbeets 2017), обстоятельства их проникновения туда остаются загадочными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берёзкин Ю. Е. Ареальные связи древней японской мифологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 154–168.

Козинцев А. Г. Орли восточноазиатских монголоидов в формировании антропологического состава населения Японии (по данным краниоскопии) // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова). СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 160–166.

Козинцев А. Г. Айны, японцы, их предки и соседи: результаты краниоскопических исследований в Японии // Айнская проблема (Вопросы этногенеза и этнической истории айнов). СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017а. С. 87–110.

Козинцев А. Г. Происхождение айнов в свете данных современной антропологии // Айнская проблема (Вопросы этногенеза и этнической истории айнов). СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017б. С. 49–86.

Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971. 236 с.

Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 190 с.

Cooke N. P., Mattiangeli V., Cassidy L. M. et al. Ancient genomics reveals tripartite origins of Japanese populations // Science Advances. 2021. № 7: eabh2419.

Dybo A. V. Language and Archaeology: Some Methodological Problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes // Вопросы языкового родства. 2013. № 9. С. 69–92.

Hudson M. J. ‘Austronesian’ and ‘Jōmon’ identities in the Neolithic of the Ryukyu Islands // Documenta Praehistorica. 2012. Vol. 39. P. 257–262.

The HUGO Pan-Asian SNP consortium. Mapping genetic diversity in Asia // Science. 2009. Vol. 326. № 5959. P. 1541–1545.

Igawa K., Manabe I., Oyamada J. et al. Mitochondrial DNA analysis of Yayoi period human skeletal remains from the Doigahama site // Journal of Human Genetics. 2009. Vol. 54. № 10. P. 581–588.

Janhunen J. Ethnicity and language in prehistoric Northeast Asia // Archaeology and Language. Vol. II. Archaeological Data and Linguistic Hypotheses / Eds R. Blench, M. Spriggs London; New York: Routledge, 2003. P. 195–208.

Kanaseki T. Yayoi jidai hito // Nihon no kōkōgaku III. Yayoi Jidai [People of the Yayoi Period] // Archeology of Japan. Vol. 3. Yayoi Period. Tōkyō: Kawadeshobō, 1966. P. 460–471.

Kouchi M. Geographic variation in modern Japanese somatometric data and its interpretation // University of Tokyo University Museum Bulletin. 1983. № 22. P. 1–102.

Kozintsev A. G. Ainu, Japanese, Their Ancestors and Neighbours // Journal of the

Anthropological Society of Nippon. 1990. Vol. 98. № 3. Pp. 247–267.

Kozintsev A. G. Ethnic Epigenetics: A New Approach // *Homo*. 1992a. Vol. 43. № 3. P. 213–244.

Kozintsev A. G. Prehistoric and Recent Populations of Japan: Multivariate Analysis of Cranioscopic Data // *Arctic Anthropology*. 1992b. Vol. 29. № 1. P. 104–111.

Kumar A. *Globalizing the Prehistory of Japan: Language, Genes and Civilization*. London; New York: Routledge, 2009.

Matsumoto H. The Origin of the Japanese Race Based on Genetic Markers of Immunoglobulin G // *Proceedings of the Japan Academy*. 2009. Vol. 85. № 2. P. 69–82.

Robbeets M. Austronesian Influence and Transeurasian Ancestry in Japanese. A Case of Farming/Language Dispersal // *Language Dynamics and Change*. 2017. Vol. 7. № 2. Pp. 210–251.

Robbeets M., Bouckaert R. Bayesian Phylolinguistics Reveals the Internal Structure of the Transeurasian Family // *Journal of Language Evolution*. 2018. Vol. 3. № 2. P. 145–162.

Wang Y., Lu D., Chung Y.-J., Xu S. Genetic Structure, Divergence and Admixture of Han Chinese, Japanese and Korean Populations // *Hereditas*. 2018. № 155: 19. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41065-018-0057-5>.

Watanabe Y., Naka I., Khor S. S. et al. Analysis of Whole Y-Chromosome Sequences Reveals the Japanese Population History in the Jomon Period // *Scientific Reports*. 2019. № 9:8556. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-44473-z>.

REFERENCES

Berezkin Yu. Ye. [Areal ties of the ancient Japanese mythology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, no. 1, pp. 154–168. (In Russian).

Dybo A. V. Language and archaeology: some methodological problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes. *Journal of Language Relationship*, 2013, no. 9, pp. 69–92. (In English).

Hudson M. J. ‘Austronesian’ and ‘Jōmon’ identities in the Neolithic of the Ryukui Islands. *Documenta Praehistorica*, 2012, vol. 39, pp. 257–262. (In English).

Janhunen J. Ethnicity and language in prehistoric Northeast Asia. *Archaeology and Language. Vol. 2. Archaeological Data and Linguistic Hypotheses*. Eds Blench R., Spriggs M. London; New York: Routledge, 2003, pp. 195–208. (In English).

Kanaseki T. [People of the Yayoi Period]. *Archeology of Japan*, vol. 3. Yayoi Period. Tōkyō: Kawadeshobō Publ., 1966, pp. 460–471. (In Japanese).

Kouchi M. Geographic variation in modern Japanese somatometric data and its interpretation. *University of Tokyo Museum Bulletin*, 1983, no. 22, pp. 1–102. (In English).

Kozintsev A. G. Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours. *Journal of the Anthropological Society of Nippon*, 1990, vol. 98, no. 3, pp. 247–267. (In English).

Kozintsev A. G. Ethnic epigenetics: A new approach. *Homo*, 1992a, vol. 43, no. 3, pp. 213–244. (In English).

Kozintsev A. G. Prehistoric and recent populations of Japan: Multivariate analysis of cranioscopic data. *Arctic Anthropology*, 1992b, vol. 29, no. 1, pp. 104–111. (In English).

Kozintsev A. G. [Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: findings of cranial nonmetric studies in Japan]. *Ainskaya problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoy istorii ainov* [The Ainu

Problem: Issues in Ainu Origins and Ethnic History]. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh Publ., 2017a, pp. 87–110. (In Russian).

Kozintsev A. G. [Ainu origins in the light of modern physical anthropology]. *Ainskaya problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoy istorii ainov)* [The Ainu Problem: Issues in Ainu Origins and Ethnic History]. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh Publ., 2017b, pp. 49–86. (In Russian).

Kozintsev A. G. [On the role of East Asian Mongoloids in the population history of Japan. The evidence of cranial nonmetrics]. *Problemy obshchey i regionalnoy etnografii (k 75-letiyu A. M. Reshetova)* [Issues in General and Regional Ethnography Celebrating A.M. Reshetov's 75th Birthday]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2007, pp. 160–166. (In Russian).

Kumar A. *Globalizing the Prehistory of Japan: Language, Genes and Civilization*. London; New York: Routledge, 2009. (In English).

Levin M. G. *Etnicheskaya antropologiya yaponsev* [Ethnic Anthropology of Japan]. Moscow: Nauka, 1971. (In Russian).

Matsumoto H. The origin of the Japanese race based on genetic markers of Immunoglobulin G. *Proceedings of the Japan Academy*, 2009, vol. 85, no. 2, pp. 69–82. (In English).

Robbeets M. Austronesian influence and Transeurasian ancestry in Japanese. A case of farming/language dispersal. *Language Dynamics and Change*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 210–251. (In English).

Robbeets M., Bouckaert R. Bayesian phylolinguistics reveals the internal structure of the Transeurasian family. *Journal of Language Evolution*, 2018, vol. 3, no. 2, pp. 145–162. (In English).

The HUGO Pan-Asian SNP consortium. Mapping genetic diversity in Asia. *Science*, 2009, vol. 326, no. 5959, pp. 1541–1545. (In English).

Wang Y., Lu D., Chung Y.-J., Xu S. Genetic structure, divergence and admixture of Han Chinese, Japanese and Korean populations. *Hereditas*, 2018, no. 155:19. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41065-018-0057-5>. (In English).

Watanabe Y., Naka I., Khor S. S. et al. Analysis of whole Y-chromosome sequences reveals the Japanese population history in the Jomon period. *Scientific Reports*, 2019, no. 9:8556. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-019-44473-z>. (In English).

Submitted: 17.05.2021

Accepted: 22.07.2021

Article published: 15.12.2021